

Рецензии и обзоры

УДК 82.0:821.161.1

DOI: 10.28995/2658-5294-2026-9-1-216-221

Рецензия на книгу:

*Лосев Л.В. Эзопов язык в русской литературе
(современный период) /*

подгот. к публ. А.С. Архиповой*.

М.: Новое литературное обозрение, 2024. 256 с.

Елена Ф. Левочская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, leta.ugay@gmail.com*

Дата поступления статьи: 29 марта 2025 г.

Дата публикации: 26 марта 2026 г.

Для цитирования: Левочская Е.Ф. [Рец.:] Лосев Л.В. Эзопов язык в русской литературе (современный период) / подгот. к публ. А.С. Архиповой*. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 256 с. // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2026. Т. 9. № 1. С. 216–221. DOI: 10.28995/2658-5294-2026-9-1-216-221

Book review:

*Losev L. V. Ezopov yazyk v russkoi literature
(sovremennyi period) [Aesopian language
in Russian literature (modern period)] /
publication prepared by A.S. Arkhipova*,*

Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. 256 p.

Elena F. Levochskaya

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, leta.ugay@gmail.com*

Received: March 29, 2025

Date of publication: March 26, 2026

© Левочская Е.Ф., 2026

* Включена Минюстом РФ в реестр иностранных агентов.

For citation: Levochskaya, E.F. (2026), [Book review]: “*Losev L.V. Ezopov yazyk v russkoi literature (sovremennyi period)* [Aesopian language in Russian literature (modern period)] / publication prepared by A.S. Arkhipova*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2024. 256 p.”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 9, no. 1, pp. 216–221, DOI: 10.28995/2658-5294-2026-9-1-216-221

«Если надо объяснять, то не надо объяснять», «все всё понимают» и другие фразы, любимые советскими и российскими интеллигентами, подчеркивают ценность имплицитного знания, объединяющего людей сходного мировоззрения. В этой культурной парадигме высокая ценность слова (узнавание цитат, общая начитанность, значимость тона и грамотности речи) сочетается с отсутствием у этого слова одной из главных (привычных) коммуникативных задач: доносить новую информацию, аргументировать спорный тезис, вступать в диалог с действительно другим. Ирония, сообщения с двойным смыслом, цитаты – всё это прячет смысл и помогает уйти от прямого выяснения вопроса. И такая особенность, конечно, появилась не случайно. Прямое высказывание в мире, породившем эти коммуникативные установки, может вызвать никак не ответный диалог, а словесное унижение личности, социальные санкции или физическое насилие. Понимание без слов служит маркером готовности войти в группу своих, что требует наличия опыта быть в меньшинстве и высокой эрудиции и воздерживаться от собственной речевой агрессии. К чему проговаривать послышки и тезис? Все всё понимают. Даже если «все» понимают «всё» по-разному.

Работа Льва Лосева «Эзопов язык в русской литературе» представляет собой одновременно попытку объяснить механизм двойного прочтения современной ему литературы и апологию этих коммуникативных и эстетических установок. Текст был написан для инокультурного и иноязычного читателя (диссертация, сокращенная англоязычная версия которой была издана в 1984 г.), и эта ситуация порождает то, чего не должно было бы быть: попытку объяснить то, что «не надо объяснять», данную самим участником процесса, прекрасным поэтом, сыном и другом поэтов, образованным читателем и филологом, окончившим ЛГУ, редактором, советским человеком, который оказался в эмиграции и смог посмотреть на собственный опыт со стороны (возможно, не без ностальгии, при всей ее сложности). Русскоязычный текст диссертации существовал только в виде рукописи, хотя рукописи читаемой и даже цитируемой. Научный труд Льва Лосева стал доступным русскоязычному читателю в виде официального издания только в 2024 г.

Каков же механизм работы эзопова языка? Лосев дополняет схему коммуникативного акта, в которой присутствуют адресат, сообщение и адресант, новым компонентом: вторым адресатом. Читатель-друг и читатель-цензор одновременно получают сообщение, однако, чтобы оно дошло до читателя-друга, цензор должен не иметь возможности правильным образом его декодировать. Письма вскрывались как в Российской империи, так и в Советском Союзе, об этом было известно всем участникам коммуникации. В результате письмо могло быть не передано вовсе или передано с цензурными «вычерками». Особенно это касалось важных писем, например в лагеря, где они служили единственной связью с внешним миром. Эзопов язык был призван сделать «вскрытие» письма неполным. То же относится к произведениям словесного искусства, прошедшим цензуру и опубликованным, то есть доставленным читателю.

Лосев вводит в коммуникативную схему с двойным адресатом ещё два элемента: экран, затемняющий смысл, и маркер, который служит ключом к его пониманию. Маркер адресован читателю-другу, экран – информационный шум или ложный след – цензору. Таким экраном может быть как семантический сдвиг, например, в стихах о погоде, которые на самом деле посвящены погоде политической, или рамка (фрейм), например перевод с несуществующего оригинала или детское стихотворение со взрослым подтекстом.

Важно отметить, что, как любая эвфемизация, эзопов язык подвижен. Читатель-цензор быстро учится, и то, что было тайным в одном поколении, абсолютно прозрачно в другом, однако это не меняет сути механизма: как в игре в прятки, автор (адресант) продолжает перепрыгиваться и перепрыгивать смысл, находя всё новые экраны и маркеры: «Идеологическая цензура и эзоповские писатели и читатели вовлекаются в постоянно длящуюся игру ритуального характера» (с. 238). Исчезновение эзопова языка (или очередного его извода, потому что, как показывает практика последних двух столетий, в российской культуре он то пропадает, то снова возникает) происходит следующим образом: «...В историческом плане массовое увлечение эзоповым языком предшествует изживанию его как популярного метастилия» (с. 238). Иными словами, как только какой-то элемент эзопова языка становится понятным всем, он перестает работать (хотя и сохраняет поэтику двойного дна, см.: [Югай 2020]). Прозрачность отдельных эзоповых конструкций может быть связана с различием тайного языка (сокрытие информации) и игровой отсылки к нему (декларация своего отношения) [Югай 2018]. Иными словами, эзопов язык – особенно как художественный прием – энантиосемичен: одновременно и скрывает (экран), и подчеркивает (маркер).

Диссертация Лосева предваряется предисловием Александры Архиповой*, которая не только излагает историю рукописи, но и дает развернутый комментарий про тайные языки, разные виды двойных сообщений и их социальную роль. Фольклористу и антропологу в теме эзопова языка близка его вернакулярность, зависимость от контекста и вариативность (не случайно коммуникативная теория – это та рамка, через которую Лосев поясняет эстетический механизм работы эзопова языка). Лосев отмечает, что для чтения эзоповских текстов необходимо «доскональное знакомство со всей идиомой живого русского языка» и «совершенное знание всех сторон русской культурной жизни», которое «эмпирически доступно всем проживающим в стране, но его почти невозможно получить из публикуемых исследований» в связи всё с той же цензурой (с. 68). Во вступительной статье Александра Архипова* замечательно показала, что схема Лосева применима и к повседневности, речевым жанрам символического сопротивления, анекдотам, слухам и др. Не всегда речь идет о противостоянии профессиональному цензору – как показывают советские свидетельства, часто довольно вдумчивому читателю. Кроме цензора, есть еще и знакомые, родные, с которыми хочется поговорить, но необходимо дать им возможность не отвечать (или ответить – аукнуться – таким же относительно безопасным посланием).

Помимо филологического и семиотического разбора, Лосев своей работой защищает эзопов язык. Поэт утверждает, что такое чтение доставляет интеллектуальное наслаждение и даже дарует «победу над репрессивной властью»: «Внутренним содержанием эзоповского произведения является катарсис, переживаемый читателем как победа над репрессивной властью» (с. 238). Это ответ на возможные – и существующие – упреки в порочности эзопова языка и его эстетической ущербности. В самой работе приводится рассуждение об «инвективах в адрес эзопова языка», которые «часты в русской литературе, критике и даже литературоведении» (с. 61), «отношении к эзопову языку как к инородному по отношению к литературе элементу» (с. 62) и принцип «ювеналова сатира выше эзоповой» (с. 64) со ссылками на М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ленина, В.В. Розанова, Д.И. Писарева и др. В противоположность этому, например, И. Бродский допускает тезис, что цензура развивает «виртуозность формального мастерства писателя» (с. 66), то есть становится вопросом внутренним и эстетическим. Как бы то ни было, сформировалось поколение авторов и, что не менее важно, читателей, для которых наличие второго смысла – это часть эстетического наслаждения и способ актуализации литературы.

Эзопов язык в быту также оценивается по-разному. Близкий самому Лосеву и по поколению, и по кругу общения поэт говорит в интервью: «Фига в кармане, она была свойственна комсомольским деятелям ... Большинство этих (обозначений) – совок и всякие другие штуки – употребляли люди, жившие внутри этой власти. Те, которые были отстранены – ну советская власть и советская власть – ну зачем ее называть как-то? Одно дело эзопов язык, когда хотели донести какую-то идею. Все остальное – фига в кармане. Это на уровне того, что антисоветские анекдоты любили в Кремле» [Югай 2018]. Вместе с тем те, кто вспоминает о советском эзоповом языке с теплотой, подчеркивают его игровую и эстетическую природу, позволяющую жить в другой языковой реальности: «Эзопов язык – это не защита, это нежелание говорить на языке власти. Самое страшное ругательство – “он говорит передовицами «Правды»”. Не иметь ничего общего» [Югай 2018].

Казалось бы, рациональное удовольствие от дешифровки сообщения противоположно эстетическому наслаждению от художественной литературы, ведь удовольствие от читаемой и перечитываемой литературы длится, а дешифрованное сообщение становится ненужным, как ореховая скорлупа или фантик от конфеты. Но Лосев рассматривает случаи, когда социальный контекст изменяет установки по умолчанию. Фантик фантику рознь. Вспоминаю коробки с коллекцией фантиков моей мамы: там был «воображаемый запад» и параллельная реальность таллинской «Anneke» («Аленки») и тщательно разглаженные обертки карамели «Бенедиктин», вызывающие рассказы о студенчестве. В условиях дефицита информации фантик становится ценнее конфеты (или, по крайней мере, непосредственно связанным с опытом ее вкушения – и рассказом о нем). Так и эзоповские стихи постоянно обновляются в коммуникации – особенно если вспомнить, что время, описанное Лосевым, – это время, когда поэзия постоянно читается вслух или поется под гитару в небольших компаниях людей самых разных специальностей. И сама дешифровка эзопова послания становится не одноразовым процессом: кто-то проинтерпретирует стихи похожим образом, кто-то не поймет двойного дна, кто-то поймет иначе, иногда с точностью до наоборот. Так происходит обмен эмоциональной информацией и солидаризация группы, которая очень важна для человека во враждебном информационном окружении. И тем самым чтение поэзии еще и еще раз становится «больше, чем» чтение поэзии. Как и чтение научного текста.

Диссертация Льва Лосева – это и свидетельство эпохи, и научный труд, который предлагает простую и работающую теоретическую схему, применимую для многих явлений культуры,

и увлекательное чтение, заставляющее задуматься. Публикация этой работы – важное событие для российской гуманитаристики, за которое хочется поблагодарить Александру Архипову* и всю издательскую команду.

Литература

- Югай 2018 – Югай Е.Ф. Этнография эзопова языка в творческой среде в позднее советское время // Новый мир. 2018. № 5. С. 141–155.
- Югай 2020 – Югай Е.Ф. Устные рассказы об эзоповом языке в литературно-художественной среде: фольклорно-антропологический подход // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3. № 2. С. 88–109.

References

- Yugay, E. (2018), “Ethnography of Aesopian language in the creative community in the late Soviet era”, *Novyi mir*, no. 5, pp. 141–155.
- Yugay, E.F. (2020), “Oral stories about Aesopian language in the literary and artistic community. Folkloristic and anthropological approach”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 3, no. 2, pp. 88–109.

Информация об авторе

Елена Ф. Левочская, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; leta.ugay@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-8612-1361

Information about the author

Elena F. Levochskaya, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; leta.ugay@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-8612-1361